

Наг Стернин

Путч будет завтра
(Старинный романс)

16+

Наг Стернин

**Путч будет завтра
(Старинный романс)**

«ЛитРес: Самиздат»

1998

Стернин Н.

Путч будет завтра (Старинный романс) / Н. Стернин — «ЛитРес: Самиздат», 1998

Середина августа 1991 года. Страна бурлит, раздираемая противоречиями. В крымском санатории рядом с Форосом собралась небольшая компания людей разного возраста и различных профессий. Их политические взгляды часто не совпадают, а иногда и прямо противоположны. Они ожесточенно спорят друг с другом, в их спорах и даже судьбах причудливо переплетается настоящее и далекое прошлое страны. Все это не мешает им относиться друг к другу с уважением и даже любовью. А вокруг пышным цветом вылезают из щелей ядовитые побеги - предвестники надвигающегося катаклизма. Путч будет завтра.

Содержание

1	5
2	10
3	14
4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

1

В Севастополь поезд пришел утром. Пассажиры наконец-то прекратили разговоры о политике, совершенно осточертевшие Алексею Алексеевичу за долгую нудную дорогу, и суетливо заспешили к выходу. Вместе со всеми Алексей Алексеевич выбрался на перрон и пошагал туда, где, по словам проводницы, должен был дожидаться отдыхающих санаторный автобус.

Впереди решительно и целеустремленно шагала девушка из третьего купе, та самая, что напустила на Алексея Алексеевича буквально арктический холод, когда он попробовал заговорить с нею в коридоре вагона. Багаж у девушки был объемистый. В левой руке она держала чемодан, а на правом ее плече висела сумка, из которой вызывающе торчала теннисная ракетка.

Шли они явно в одну сторону, но предложить свою помощь девушке Алексей Алексеевич не решался, настолько неприступен и суров был ее вид. Его собственный багаж состоял из одной сумки, единственной сколько-нибудь тяжелой вещью в которой была моноласта.

Эта моноласта некогда была привезена Алексею Алексеевичу в подарок сослуживцем, который на конгрессе в Уилмингтоне зачитал доклад своего, как еще совсем недавно изящно выражались, “внезапно заболевшего коллеги”. Дело в том, что в не столь уж далекие годы Алексей Алексеевич был невыездным по черт знает какой причине.

Коллега был человеком порядочным, было ему совестно, вот и привез он Алексею Алексеевичу из Америки подарок, явно превосходивший его более чем скромные финансовые возможности.

Алексей Алексеевич, еще со студенческих лет увлекавшийся подводным плаванием, подарку был чрезвычайно рад, благодарил коллегу чуть ли не со слезами на глазах, отчего смущение того только увеличивалось, так что он, коллега, готов был просто провалиться сквозь землю. Ласту Алексей Алексеевич берег чрезвычайно, можно сказать, лелеял и холил, вот и служила она ему верой и правдой уже добрый десяток лет.

Автобус в месте, указанном проводницей вагона, и в самом деле пассажиров дожидался. На его лобовом стекле красовался картонный плакат, на котором большими корявыми буквами было накарябано: “ЛАМЕС”. За рулем скучал здоровенный парень в тельняшке с обрезанными рукавами, рядом, держась за открытую дверцу, стояла средних лет поджарая дама с пышно взбитыми крашеными волосами, как вскоре выяснилось, санаторный культорг.

Льдышка из третьего купе перебросилась с нею парой фраз, закинула вещи в автобус и, с видом, воплощавшим в себе крайнюю степень неприступности, встала рядом. Алексей Алексеевич подошел, поздоровался, спросил почему-то: “Вы из Ламеса?”, и после жизнеутверждающего ответа культоргши, что, мол, да-да, именно оттуда, сказал:

– Вот и прекрасно. Значит, поехали.

– Сначалаждемся остальных, – возразила культоргша. Алексей Алексеевич засмутился, пробормотал, что да, конечно, он вовсе не имел ничего такого в виду, тут же рассердился на себя за это смущение и, отойдя в сторону, закурил сигарету.

На курорт Алексей Алексеевич, несмотря на свои сорок три года, сподобился попасть впервые. Все окружающее было ему внове, в том числе и собиравшаяся к автобусу публика. Публика состояла из среднерангового чиновничества, неизменной – куда ж без нее – торговли, мгновенно скучковавшейся молодежи, которую Алексей Алексеевич почему-то про себя неодобрительно охарактеризовал “золотой”, и нескольких подобных ему “старых пней” принесших к теплому морю бремя своих инфарктов и остеохондрозов. Сам Алексей Алексеевич относился к санаториям как к богоугодным заведениям, и попал сюда только по настоянию институтского зама по научной работе после тяжелого сердечного приступа. Приступ этот свалился на него, крепкого и никогда не болевшего мужика, совершенно внезапно. Хотя... с этой самой внезапностью... Какая уж тут внезапность. Тут все сошлось одно, так сказать, к одному.

Исследования его лаборатория проводила дорогостоящие, финансировались они последнее время со скрипом. Деньги из начальства приходилось выдавливать буквально под прессом, что делать Алексей Алексеевич не умел и не любил. Начальство орало и брыкалось, коллеги вопили, О'Нил, с которым Алексей Алексеевич долгие годы шел, как говорится, “ноздря в ноздрю”, начал потихонечку выдвигаться вперед. А тут еще дела домашние, что называется, поперли наперекосяк.

Дело в том, что и Алексей Алексеевич, и его жена самозабвенно, до потери сознания, до дрожи в кончиках пальцев, любили одного и того же человека, а именно ее. Была она натурой пылкая и увлекающаяся, с началом перестройки открыла для себя общественную жизнь, носилась по собраниям и митингам всех мыслимых и немыслимых направлений, отчего и без того не слишком ясная ее голова совершенно пошла кругом. И вот где-то там, на одном из митингов неких “демократических либералов” встретила, как она выразилась, “единственную и неповторимую любовь своей жизни”. На вопрос жены: “Как будем делить имущество?”, Алексей Алексеевич, ответив: “Забирай все, что хочешь, только книги не трогай”, на время пресловутой “дележки” и переезда жены к демократическому либералу перебрался к матери, откуда и увезла его неотложка в тяжелейшем прединфарктном состоянии.

Выкарабкаться из больницы Алексею Алексеевичу удалось со вполне себе целой сердечной мышцей, однако, по заключению врачей, ни о каком акваланге теперь не могло быть и речи. Зам по научной работе, опекавший Алексея Алексеевича очень старательно и, как ни странно, вполне бескорыстно, в первый же день по выходе на работу вызвал его к себе, вручил путевку и со значением сказал:

– Надо тебе, Ал-Ал, ото всех своих неурядиц, как бы это сказать... отгородиться, что ли. Так что езжай-ка ты, братец, к морю. И – за десять процентов.

Эти самые “десять процентов” Алексей Алексеевич, по глупости, не оценил, зато оценил место, куда его отправляли. Еще даже год назад попасть в Ламес никто из их научной “лавочки” и помыслить себе не мог. Как-никак санаторий располагался в Крыму, до последнего времени относился к пресловутому Четвертому управлению и предназначался для самой что ни на есть элитарной элиты.

Народ, между тем, постепенно собирался. Подходили пассажиры, как понял Алексей Алексеевич, из последних вагонов. Рядом с ним остановились две дамы лет тридцати пяти. Первая, чуть полноватая, но с прекрасной фигурой, чем-то неуловимым, но до боли в сердце знакомым напоминала Алексею Алексеевичу бывшую супругу. Вторая, высокая, стройная и невероятно хищная на вид, более всего была похожа на щуку в засаде, когда она, щука, готовясь к броску на зазевавшегося пескаря, застывает на месте в обманчивой неподвижности.

Оглядев Алексея Алексеевича с ног до головы долгим оценивающим взглядом, щука одобритительно толкнула подругу плечом и стремительно рванулась вперед, к автобусу, где, врезавшись в толпу, сразу же повела себя как оккупационная армия в захваченной стране.

– Что же Вы стоите, – сказала Алексею Алексеевичу оставшаяся дама. – Проходите и садитесь. И непременно справа. Вы тут впервые?.. А-аха... Я так и подумала.

Другие пассажиры и в самом деле весьма энергично забирались в автобус, причем опытный чиновный люд старался расположиться с правой стороны. От автобуса даму нетерпеливо звала подруга. Дама дружески Алексею Алексеевичу улыбнулась и сказала, понизив голос до состояния полной конфиденциальности:

– Непременно справа.

Единственное свободное место с правой стороны оказалось сразу за этой самой красивой дамой рядом с маленькой миловидной женщиной, подошедшей к автобусу одной из последних, но, тем не менее, проникшей в него в первых рядах. Впрочем, свободным его можно было назвать лишь относительно, поскольку на сидение была водружена зачехленная гитара. Алексей Алексеевич в нерешительности остановился.

– Ну вот, – сказала красивая дама, повернувшись к Алексею Алексеевичу, – я же Вам говорила. Впрочем... У Вас свободно? – обратилась она к владелице гитары. Та, не отвечая, взгромоздила инструмент на колени. Алексей Алексеевич опустил на освободившееся место и огляделся, выискивая глазами льдышку из третьего купе.

Автобус был почти заполнен. Места слева были плотно оккупированы торговлей с редкими вкраплениями прочих Алексеев Алексеевичей. Молодежь шумно кучковалась на задних сидениях. Культоргша, поднявшаяся в салон последней, оглядела его хозяйским оком и сказала с несколько искусственным оживлением в голосе:

– Ну вот, кажется, все на месте. Ждать больше нету смысла. Поехали.

Девушка из третьего купе сидела в одном с Алексеем Алексеевичем ряду, слева по ходу автобуса, у окна. На соседнем с нею сидении разместился некий развеселый бородач, возрастом что-нибудь лет слегка за тридцать. В отличие от Алексея Алексеевича, бородач, как оказалось, с легкостью нашел с этой льдышкой общий язык. Он с плутоватым видом шептал ей что-то на ухо, а девушка смотрела на него большими круглыми глазами. Заинтересованно смотрела и удивленно, и ничто в ней айсберг не напоминало уже ни в малейшей степени. Алексей Алексеевич с неудовольствием отвернулся к окну.

– Анна Герасимовна, – закричал бородач культоргше, – тут вот некоторые усомнились. Ведь, правда, мы сейчас будем проезжать мимо дачи Горбачева?

Культоргша оживилась и затарахтела.

– Правда. Я покажу, она будет хорошо видна с дороги вот тут, с правой стороны. Только будьте осторожны и не покидайте своих мест. Я имею в виду, кто сидит слева. Можно устроить аварию.

Левые массы возбудились и зашумели, на правое чиновничество глядя с завистливой неприязнью.

Культоргша, между тем, разливалась соловьем, перечисляла фамилии всех именитых и знаменитых людей, когда-либо бывавших или проживавших в окрестностях Ламеса.

– У нас тут, – захлебываясь от восторга и закатывая глаза, тарыхтела она, – построил дачу, знаете кто? – культоргша выдержала драматическую паузу и назвала фамилию автора популярных детективов. – И именно на этой даче он пишет свои бессмертные произведения.

Слова “Бессмертные произведения”, отнесенные к опусам детективщика, очень рассмешили Алексея Алексеевича, он прыснул, культоргша покосилась на него неодобрительно, а окружающая торговля просто-таки облила презрением. Сосед сзади, уже немолодой человек с невероятно умным и интеллигентным лицом, – Алексей Алексеевич полагал до сих пор, что таких лиц просто не бывает в природе, – подсунул к его уху и шепнул:

– Вот так-то, дорогой. Нельзя насмеяться над кумирами народа. Себе дороже. К тому же он совсем небесталанный человек, причем милейший, уверяю Вас. Я знаю. Как-никак фильм ставил по его сценарию. Просто в один прекрасный день он, думается мне... – сосед пожевал губами, покрутил головой, – В общем, эта проблема рано или поздно встает перед любым человеком, подвизающимся в сфере искусства. С неизбежностью. Слава баба капризная. К тому же и талант у большинства из нас не толстовский... да и не эйзенштейновский. Увы. Так что капелька здорового практического цинизма... Вы, я так полагаю, из науки? Позвольте представиться, Нахапаров Игорь Вениаминович, режиссер.

Автобус мчался по шоссе, и виды справа оказались и в самом деле изумительными. Красивая дама все время оборачивалась к Алексею Алексеевичу и говорила с томным интимом, носившим странный оттенок некоей скромной гордости... ну как если бы она лично являлась творцом всего этого великолепия:

– Ну, и как Вам? Прекрасно, не правда ли? А сейчас будет... А вот там, за углом... И дача горбачевская уже скоро. Проедем поворот, потом будет такой мысок, и за мыском смот-

рите сразу вниз. Там увидите такие здания из красного кирпича. В прессе были фотографии. Видели, наверное?.. А-аха... Странно... Ведь все видели...

Горбачевская дача действительно с шоссе была прекрасно видна, и, несмотря на предупреждение и даже предостережение культургши, вся или почти вся левая половина рванулась к правым окнам автобуса, чтобы оную дачу как следует обозреть.

– Вот ведь народ, – укоризненно вздохнул шофер. – И что вам всем эта дача далась, прямо на стенку лезете?

– Так ведь интересно, – оправдывалась торговля. Остальные молча и даже, может быть, несколько пристыжено разбрелись по своим местам. А льдышка из третьего купе тоже, между прочим, кинулась смотреть на дачку, чуть ли не висела на Алексее Алексеевиче, и вид у нее был при этом заинтересованный до полного кретинизма... что и отметил Алексей Алексеевич с самого себя несколько удивившим злорадством, поскольку я – то, – сказал он себе, – доведись мне сидеть с левой стороны, уж точно не двинулся бы с места.

Автобус, между тем, круто свернул вправо, скользнул куда-то вниз, повернул раз, другой, и выскочил на ровную бетонную площадку перед небольшим одноэтажным зданием.

– Это наша регистратура, – сказала культургша. – Приглашаю всех выйти и расположиться вон там, в холле. Подготовьте, пожалуйста, паспорта, путевки, вас оформят и распределят, кому где жить. С прибытием вас, и счастливого отдыха. Старожилы, укажите новичкам дорогу.

Произнеся эти слова, культургша дематериализовалась с такой скоростью, что Алексей Алексеевич только глазами растерянно похлопал: вот только что был тут человек, и – на тебе – нету, куда до нее старику Хоттабычу. Прибывший люд уже шагал к регистратуре. Бородач с девушкой из третьего купе шли вместе, на несколько шагов опередив прочую публику, правда, как отметил Алексей Алексеевич, вещи свои она по-прежнему несла сама.

Комната Алексея Алексеевича была двухместной, располагалась на третьем этаже и имела лоджию умопомрачительных размеров. В лоджии находились еще две дополнительные кровати, а в разделяющем их пространстве можно было спокойно танцевать вальс. Вид на море из этой лоджии открывался изумительный.

Швырнув сумку в кресло и отметив мимоходом, что соседняя койка была еще не занята, Алексей Алексеевич отправился осмотреться. Санаторная территория была огромна, ухожена и буквально утопала в цветах. Но что самое удивительное – она была безлюдна. Первым человеком, которого он встретил у изящного восточной архитектуры здания, была та самая красивая дама, его автобусная confidentка, так сказать, его персональный автобусный гид.

– А-аха, – с удовлетворением констатировала дама, – вот и Вы. Вы, что же, я смотрю, нацелились на гарем?

Алексей Алексеевич несколько опешил.

– Я... собственно... гарем – это для меня многовато.

Красивая дама снисходительно улыбнулась.

– Вы не поняли. Ламес, как говаривали классики, до исторического материализма принадлежал какому-то восточному хану. Или эмиру. Владыке, одним словом. И в этом здании располагался его гарем.

– Ах, вот как, – пробормотал Алексей Алексеевич. – Интересно...

– Так вот я специально попросила, чтобы меня определили не во второй корпус, а сюда. Жить в гареме – это, знаете ли, круто. Воображение разыгрывается, и все такое. Будто бы я одалиска какая-нибудь, умашенная благовониями. Раскинулась я, значит, обнаженная на подушках... вокруг музыка восточная... и я с трепетом жду, что вот сейчас раскроется дверь, на пороге возникнет мой владыка и повелитель... – confidentка сделала большие глаза и медленно оглядела Алексея Алексеевича с головы до ног. – А где Вы определились?

– Э-э... как? Ах, ну да. В шестом корпусе, – сказал Алексей Алексеевич и машинально добавил, – триста двадцать шестая комната.

– А-аха. Триста двадцать шестая. Я запомню... – удовлетворенно констатировала дама и посмотрела на Алексея Алексеевича выжидающе. Алексей Алексеевич вопросительно наклонил голову. В глазах у дамы промелькнуло что-то явно нелестное, может быть, даже и досада... пауза, однако же, не затянулась. – А пока извините меня, мне нужно заглянуть к главному врачу. Отметиться, так сказать.

Алексей Алексеевич, с облегчением извинивши даму, поспешил ретироваться и по лестницам направился к морю.

Внизу, вместо ожидаемых типичных для этих мест маленьких бухточек, он с удивлением обнаружил длиннющую – пожалуй, поболее километра – и широченную набережную, в ближнем левом конце которой, разделенные волнорезами, находились четыре песчаные бухты, битком забитые отдыхающими. Далее располагалась спасательная станция с далеко выдающимся в море причалом, смотровая вышка с развевавшимся над ней флагом и двумя спасателями, смотревшими в море сквозь мощные бинокли.

С соседней лестницы вывернулся режиссер, уже упакованный в импортные плавки немислимой расцветки. На плече у него висела махровая простыня, наличие подобной в своей комнате Алексей Алексеевич только что невнимательно удивлялся, ввиду полнейшего непонимания назначения оной.

– Что же это Вы, батенька мой, – сказал режиссер. – Все еще в брюках? Ловите мгновенье. Оно, знаете ли, прекрасно. Так сказать, ослепительный миг.

Режиссер бросил простыню на песок, разбежался и с шумом плюхнулся в воду. Вокруг сновали веселые люди в разной степени загорелости, слышалось – в сопровождении эпитетов повышенной степени красочности – осточертевшее: “Горбачев... Ельцин... Ново-Огарево...”, и Алексей Алексеевич почувствовал, что он как-то не вписывается в окружающую обстановку, и что вписаться в нее будет ему трудно. Он закурил дежурную сигарету, вздохнул, сказал себе: “ну что ж, начнем отдыхать...” и медленно побрел по набережной в дальний ее конец. Надо же было посмотреть, что находится там.

2

Юра – бородач, как выяснилось, сосед Алексея Алексеевича по комнате, попытался было соответствовать, но тут же и отстал. Моноласта работала ровно, мощно, посылая тело вперед стремительными толчками. Алексей Алексеевич вначале сторожко прислушивался к сердцу, но ничего, сердце постукивало нормально и даже, как показалось ему, с удовольствием. Так что вскоре Алексей Алексеевич и вовсе перестал обращать на него внимание, а данное себе слово – не заплывать далеко от берега, – естественно, оказалось забытым.

Алексей Алексеевич вообще любил баттерфляй, а с моноластой мог плавать этим, в общем-то, отнюдь не экономичным стилем сколь угодно долго. Вот и сейчас он решил проплыть вдоль всей набережной, обогнуть мыс, которым она заканчивалась, и поглядеть, что находится там, дальше. Но, похоже, эта его идея пляжным спасателям пришлась не по вкусу. С вышки в мегафон неразборчиво кричали что-то сердитое, а поскольку на вопли, к себе их не относя, он не реагировал, от причала стремительно рванулся спасательный катер. Вздывая эффектные белые буруны, катер заложил широкую дугу с явным желанием отсечь преступника от возжеленных морских просторов.

Поравнявшись с Алексеем Алексеевичем, катер сбросил ход, и сидевший на корме крепкий парень в тельняшке сказал укоризненно:

– Что же это Вы? Мы Вам кричим-кричим. Нехорошо.

– Я не понял, что вы это мне, – оправдывался Алексей Алексеевич.

– Ну да, не поняли, – вздохнул спасатель. – Что Вы вчера родились? Не знаете, что нельзя заплывать за буйки?

– Но я хорошо плаваю.

Спасатель пожал мощными плечами.

– А то я не вижу. Но Вы подаете нехороший пример.

– И даже не в том дело, – вмешался второй спасатель, постарше. – Вы же из нашей бухты поплыли. И все это видели. Вы нас подводите. Ладно бы Вы были лох какой-нибудь, а то... Вы уж, пожалуйста, залезайте в катер, иначе начальство нас так оттрахает – света белого невидим.

– Да ну что вы, ребята, – заволновался Алексей Алексеевич, – никого я подводить не хочу, вы только помогите мне, борт у вас высокий, а я в моноласте...

Моноласта привела спасателей в восторг. Они долго разглядывали ее, передавая из рук в руки, попросили разрешения примерить и опробовать. С примеркой, однако же, ничего не получилось, поскольку Алексей Алексеевич, несмотря на высокий рост, ступни ног имел маленькие. Вздыхнув, мужики вернули ему моноласту, после чего старший сказал:

– Вот что. В том конце, за набережной, есть маленькая дикая бухточка. Мы Вас туда отвезем, там уже не наша акватория, вот и плавайте себе в удовольствие, сколько хотите и где хотите. А начальству мы скажем, что Вас строго предупредили и вообще... За вещичками будете возвращаться, так Вы уж, пожалуйста, посуху, водой не плывите. Договорились?

Бухточка и впрямь была очаровательна. Окруженная высокими скалами, она была разгорожена валунами на несколько обособленных микропляжиков, усыпанных мелким песком, а самое главное, вход в море здесь был премерзким – рваные камни, заросшие водорослями и усеянные живыми и погибшими колониями мидий и митилястеров с острыми, как бритвы, раковинами.

– Вот и прекрасно, – с удовлетворением заявил себе Алексей Алексеевич, – место чудесное, нашествие отдыхающих ему не грозит.

– Было чудесным, – произнес за его спиной холодный женский голос. – Пока сюда не стали доставлять всяческих “вайпонов” на спасательных катерах.

Алексей Алексеевич обернулся. В глубоком тенистом гроте, образованном двумя сомкнувшимися верхушками огромных валунов, лежала на махровой простыне льдышка из третьего купе. Читала она, между прочим, Борхеса.

– Вайпонов?.. Ах, ну да. Ви Ай Пи. “Особо важная персона”. Я правильно понял? – осведомился Алексей Алексеевич, но девушка, слова его полностью проигнорировав, продолжала ледяным тоном:

– Если дело так и дальше пойдет, здесь будет самое оживленное в мире местечко для уединений. Хоть вывеску вывешивай: “Специально для “вайпонов”. Шагу нельзя будет сделать, чтобы на высокопоставленного уединенца не наступить... О, какая у Вас лапа. Вывезена из Забугорья? Командировочки-поездочки? Америка – Германия – Япония – Весь Свет?

– Приятель привез. Самому мне за границей побывать не довелось.

Девушка высоко вскинула брови.

– Что так? Неужто и мы были невыездной?

Алексей Алексеевич, твердо решивший на все эти вызывающие подначки не поддаваться, пожал плечами. Девушка перекадилась на живот, подперла голову кулачками и критически его оглядела.

– Просто удивительно, – сообщила она окружающему пространству, – как много с началом перестройки явилось нам всякого рода протестантов и борцов. Но невыездной номенклатурный чиновник – это что-то уж и вовсе запредельное.

– А с чего Вы решили, что я номенклатурный чиновник? – удивился Алексей Алексеевич.

– Это написано у Вас на лбу, – безапелляционно заявила девушка.

– Пошлите рекламацию, – посоветовал Алексей Алексеевич, а девушка, подчеркнуто передразнивая его жест, в свою очередь пожала плечами.

– Зачем и кому?

– Своему учителю чтения. Что же это он допускает такой возмутительный брак в работе? А-яй. Непорядок это. Прокол.

– Людей из номенклатуры я чую за версту, – возразила она. – Вы утверждаете, что я ошиблась. В таком случае, считаю себя просто обязанной спросить, кто Вы, сэр? По профессии и роду занятий?

– Мастер по ремонту пишущих машинок. Ну, ладно, поскольку мое присутствие Вас явно раздражает...

– Нисколько, – вклинилась она.

– ...то я, пожалуй, сплаваю за этот мыс и посмотрю, что там.

– А там, говорят, еще один санаторий как раз для мастеров по ремонту машинок, – сказала девушка и, повернувшись на бок, демонстративно уткнулась в книгу.

Берег за мысом оказался неожиданно далеко. А расположен там был санаторий ЦК, о чем и сообщил Алексею Алексеевичу встреченный пловец. На этой стороне мыса имелось множество маленьких удобных бухточек, но все они были заняты. Обитатели того санатория, очевидно, тоже страстно любили уединение.

Возвращался Алексей Алексеевич, как и обещал, посуху, лапу таскал подмышкой. Идти было с непривычки колко, но уж раз обещал? Встречные поглядывали на него с неким почтением, и внимание это его смущало.

Из-за странной железной будки на колесах, ржавевшей на набережной в дальнем от спасателей конце – строители, что ли, забыли? – вывернулся режиссер и пошел рядом.

– Ну и плаваете Вы. Прямо кашалот какой-то. Левиафан. Только что фонтанов не пускаете. Отродясь такого не видел. Может, поучите? – сказал он и покосился на моноласту.

– Она на Вас не налезет, – сказал Алексей Алексеевич извиняющимся тоном. – У меня ноги маленькие. Но плавать научу. Отчего же.

– Кролем?

– Можно и кролем.

– Вот и чудесно, – обрадовался Нахапаров. – Прямо сейчас и начнем, ага? Мои вещички рядом с вашими, в бухточке, а до обеда еще целый час, – и тут же, с места в карьер, перешел на осточертевшую до колик в мозгу политику. – Послушайте, что же это он делает, наш милейший Генеральный Президент? Разве можно ему сейчас отдыхать?

– Мы-то с Вами отдыхаем, – возразил с неудовольствием Алексей Алексеевич.

– Но мы и не президенты. Не таким делом он занят, чтобы его вот так недоделанным бросать. Голову наотрез даю, что это Раиса его потащила. Хочется ей телеса на южном солнышке погреть.

– Раиса Максимовна, как мне представляется, очень достойная женщина, и делает только то, что полагается делать первой леди государства, – сухо сказал Алексей Алексеевич.

– Надо же соображать, в какой стране живешь, – с некоторым смущением возразил режиссер, – и учитывать менталитет публики. Да-да, именно публики, поскольку государственный деятель всегда актер. И его окружение тоже. Вон поглядите на Ельцина...

– Слушайте, – взмолился Алексей Алексеевич, – давайте позабудем о политике. Она уже вот тут сидит, – он энергично постучал ладонью по шее. – Неужто Вам не надоело? Вы на отдыхе.

Нахапаров безнадежно махнул рукой.

– Э-эх, люди-человеки! Страусы, право слово. Чуть что – голову в песок и... Ладно. Пошли учиться.

– Может, вернемся в тот конец? Все народу поменьше.

– Зачем? Меня публика не пугает. Что ж время терять?

То, что его новоявленный ученик делал в воде, плаванием, разумеется, назвать было нельзя. Учить его надо было с самого начала, что называется, по полной программе.

– Значит так, – сказал Алексей Алексеевич, – подчиняться будете быстро и беспрекословно. Вопросов задавать не разрешаю. Все мои указания будут ясные и толкований не допускающие.

Режиссер сделал большие глаза, зажал обеими руками рот и энергично закивал головой. Алексей Алексеевич невольно рассмеялся.

– Будете учиться вставать в воде. Итак, лечь на воду лицом вниз. Ноги развести в стороны, ступни развернуть носками внутрь. Руки вытянуть вперед и тоже развести соответственно ногам. Все тело должно быть абсолютно свободным и расслабленным. Глаз не закрывать. Вы должны почувствовать себя уютно висающим в воде. Зафиксируйте в себе это состояние. Затем Вы делаете медленный выдох в воду и одновременно поджимаете колени к животу. Вы почувствуете, что ноги начинают опускаться вниз, а голова приподнимается над водой. Можете помочь себе руками, вот так. Как только тело примет вертикальное положение, Вы выпрямляете ноги и встаете на дно. Выполняйте.

Смотреть сбежался чуть ли не весь пляж. Кое-кто тут же принялся повторять упражнение, стал хватать Алексея Алексеевича за руки. Посыпались вопросы.

– Вопросов задавать не разрешаю, – сердито повторил Алексей Алексеевич. – Если кто-то хочет учиться, я не возражаю. Но требование у меня одно: внимательно выслушивать, что я говорю, выполнять беспрекословно и держаться вот с этой стороны в поле моего зрения.

– Это что еще тут за тоталитаризм! – возмущенно затрясла многочисленными подбородками дама с массивным золотым распятием на груди. – У вас, товарищ инструктор, менталитет! И вообще, почему это Вы занимаетесь только одним отдыхающим? Это Вам не старые времена. Я буду жаловаться. Мне лично наплевать, что он элита и режиссер.

Дама величественно удалилась, гордо вздернув подбородки. Нахапаров почесал в затылке, виновато поглядел на своего учителя и высказался в том смысле, что – да, пожалуй, в том конце набережной учиться было бы попроще. Бородатый Юра, который тоже случился

среди наблюдающей публики, завопил со всей ему присущей, как успел уже Алексей Алексеевич заметить, энергией:

– Да бросьте, Алексей Алексеевич, внимание обращать на всяких... м-да. Посмотрите, скольким людям Вы доброе дело делаете.

Действительно, между Алексеем Алексеевичем и волнорезом в указанном им месте находилось больше десятка людей, молча глядевших на него во все глаза.

– Мы понимаем, что Вы отдыхаете, и все такое, – сказала женщина, державшая за руку мальчишку лет десяти-двенадцати. – Но уж раз Вы все равно учите...

– Я и сам у Вас взял бы пару-другую уроков. Плавание Ваше впечатляет. А взамен могу поучить теннису, идет? – продолжал Юра, но тут взгляд его сделался вдруг цепким и настороженным, Алексей Алексеевич невольно проследил за этим взглядом и досадливо сморщился. На берегу во всеоружии своей иронической улыбки стояла льдышка из третьего купе.

– Все, мужики, все, финиш, пора обедать, – Юра торопливо побрел к берегу.

– Какой обед, до обеда еще минут двадцать, – крикнул ему вслед Нахапаров, а уже выскочивший на берег и торопливо надевавший кроссовки Юра наставительно ответил:

– Выделение желудочного сока надо начинать заранее.

Девушка все так же иронически разглядывала обоих мужчин. Режиссер поежился и сказал тихонько:

– М-да. Мерзко, когда красивая женщина смотрит на тебя подобным образом. Я – ладно, это еще понятно, но против Вас-то что она имеет? Не хлюпик какой-нибудь, мужик, можно сказать, в полном расцвете сил, интеллигентны, вежливы...

Алексей Алексеевич отмахнулся, а Юра, между тем, подскочил к девушке и ухватил ее под локоток. Девушка неторопливо высвободилась, и они медленно направились к ближайшей лестнице.

– Ну, что ж, – пробормотал Нахапаров, – проводив их глазами. – Красивая пара, хотя Вы, на мой взгляд, подходите ей больше.

– Глупости все это, – сердито сказал Алексей Алексеевич. – И вообще, у меня иммунитет, я человек разведенный.

3

За столом в соседстве с Алексеем Алексеевичем оказалась приятная пожилая – лет уже под шестьдесят – пара. Сосед чем-то неуловимо напоминал знаменитого некогда артиста Бориса Чиркова, а соседка... соседка была женщиной, обаятельной женщиной, женщиной до мозга костей. Алексей Алексеевич был очарован и невольно подумал о том, насколько... опасна... да-да, именно опасна была она в молодости.

– Давайте знакомится, – сказала соседка, безо всякого стеснения рассматривая Алексея Алексеевича, – только уж, пожалуйста, не надо отчеств, хорошо? Меня зовут Ольга, моего мужа – Борис, а Вас?.. Алексей?.. Скажите, Алеша, это Вы сегодня так красиво, так мощно плыли? Ну что же Вы смущаетесь, это прекрасно, когда человек делает что-то профессионально, и даже не просто профессионально, а с блеском.

– Например, отдыхает, – ввернул Борис.

– Отдыхать тоже надо уметь, – возразила Ольга.

– У меня такая ластва, – сказал Алексей Алексеевич, – а вот отдыхать я не умею. По крайней мере, на курорте.

– Это заметно, какой-то Вы неприкаянный, – сказал Борис, а Ольга добавила:

– Научим.

Из столовой они вышли вместе.

– Вы рощу реликтовых сосен уже видели? – спросил Борис. – Идемте, мы Вам покажем. Тут везде воздух замечательный, ну а уж там – это нечто. И вечером обязательно зайдите в бар.

– Полюбоваться на Викторию Павловну, – язвительно ввернула Ольга.

– Это барменша, – невозмутимо сказал Борис. – Посмотреть есть на что. Кстати, она прекрасная теннисистка...

– Конечно-конечно, – с еще большей язвительностью снова ввернула Ольга.

– ...но дело не столько в ней, сколько в коктейлях. Она их составляет на базе Новосветского шампанского с коньяком и прочими причиндалами, представляете?

– Нет, – честно сознался Алексей Алексеевич, – не представляю. Зачем разбавлять такую чудную вещь, как Новосветское шампанское, всякой дрянью, хоть бы и коньяком?

– А Вы приятный в общении человек, Алеша, – с некоторым удивлением сказала Ольга. – Говорите прекрасным языком, политика наша кретинская Вас не интересуется. И вообще, в Вас есть шарм. Вы должны очень нравиться женщинам.

– Вот уж не замечал, – пробормотал Алексей Алексеевич.

– Так-таки и... – с сомнением в голосе протянула Ольга. – Будь я хотя бы лет на десять моложе, мы с Вами непременно наставили бы этому обормоту рога, – и она взъерошила мужу волосы.

– Что Вы такое говорите, – ужаснулся Алексей Алексеевич, а Борис с коротким смешком заявил:

– Да куда бы Вы, Алеша, делись, коли бы она, тогдашняя, Вас атаковала? Таки и наставили бы. Но! Будь мы с тобою, мать, на десять лет моложе, я на этот мелкоприскорбный факт не обратил бы ни малейшего внимания. Виктория Павловна? Ха! Тут появилась такая девочка... – он выпятил грудь, приставил ладонь козырьком ко лбу и по-орлиному огляделся. – Да вон она.

По параллельной дорожке их стремительно догоняла льдышка из третьего купе.

– И ведь Борхеса читает, заметьте Алеша, Борхеса. Кстати, Вы его Каббалу читали?

Каббалу Алексей Алексеевич читал.

– Прекрасно, – с удовлетворением отметил Борис. – Я так и думал, кстати сказать. Так вот, у нас с женой по поводу одного места ведется давний спор. Рассудите нас. Помните, он там говорит...

Прав в этом споре, по мнению Алексея Алексеевича, был Борис. Однако, из чисто рыцарских побуждений, поддержал он Ольгу, благо аргументы – достаточно веские, или, по крайней мере, сходу не опровергаемые – у него нашлись.

– Ага! – орала Ольга, – Ну, что? Нашла коса на камень? Давай-давай, опровергай! Где твоя хваленая аргументация?

Спор разгорелся жаркий, обе стороны не сдавались, пришлось перенести его на скамеечку в роще реликтовых сосен. Через некоторое время Алексей Алексеевич с удивлением обнаружил, что девушка из третьего купе сидела от них неподалеку с открытой книгой на коленях, но явно не читала, а к их спору внимательно прислушивалась. Это подстегнуло его, он удвоил усилия, и, наконец, Борис заявил:

– Ну, ладно. Не могу сказать, что Вы меня убедили, но встречных аргументов у меня сейчас нет.

Ольга хлопала в ладоши и кричала в совершенном восторге:

– Вот так! Вот так! Это тебе не меня по стенке размазывать. Я всегда знала, что права.

Борис смущенно почесал в затылке.

– Аргументация у Вас нетривиальная, достаточно доказательная, но что-то в ней... я должен все как следует обмозговать. С вашего позволения, оставляю за собой право к этому спору вернуться. А кто Вы по профессии, Алеша? Филолог?.. Историк?..

– Читатель, – рассмеялся Алексей Алексеевич. – Читатель.

– Значит, профессиональный читатель... неплохо.

Девушка из третьего купе закрыла книгу, встала и направилась вниз, к морю.

– Она, что же, где-то тут сидела? – удивился Борис. – А я и не заметил.

– Где уж тебе заметить, – язвительно сказала Ольга. – Ты разливался соловьем. Токовал, можно сказать. А вот Алеша, я это видела, заметил.

– Токуют глухари. Нет, постойте, так она, может быть, нас слушала?

– Еще как, – рассмеялась Ольга. – Ни словечка не пропустила. Ну что же Вы, Алеша, вперед! Идите за ней. Развивайте успех.

– Это не по моей части, – сказал Алексей Алексеевич, морщась. – Тем более что она меня почему-то терпеть не может.

– Главное, что не равнодушна, – наставительно сказала Ольга, супруги, обнялись и, распевая развеселую песенку о пижоне, отправившемся в турпоход в модных заокеанских “шузах”, пошагали вслед за девушкой и исчезли за колоннадой, которой заканчивалась реликтовая роща. Алексей Алексеевич остался один. Что делать, отдых как-то не вытанцовывался.

Неподалеку раздавались звонкие удары по мячу и веселые выкрики. Алексей Алексеевич не спеша побрел в ту сторону и через некоторое время вышел к теннисным кортам, два из которых были свободны, а на третьем его соседка по автобусу – та, что привезла с собой гитару – и режиссер энергично орудовали ракетками.

– Алексей Алексеевич! – заорал Нахапаров. – Идите сюда. Вы в теннис играете? А то Ирочка меня совсем загоняла. Смените, дайте дух перевести.

– Стоит ли? – усомнился Алексей Алексеевич. – В юности пробовал, но с тех пор лет сто в руках ракетку не держал.

– Идите – идите, – махала рукой женщина. – Подумаешь, не держал! Вот сейчас и возьмете... Ну же, идите скорей сюда. Что Вы как тень отца Гамлета...

– Да нет, спасибо, как-нибудь в другой раз, – ответил Алексей Алексеевич и, отвернувшись, побрел прочь. За спиной снова послышались звонкие удары ракеток по мячу. На работу, что ли, позвонить? – подумал Алексей Алексеевич. – Где у них здесь телефон?

Телефон, как оказалось, расположен был в вестибюле второго корпуса. Очередь Алексею Алексеевичу тут же и сообщила, что корпус этот в санатории самый “фешембельный” и элитарный – надо же, и среди элиты есть своя элита, рассеянно удивился Алексей Алексеевич

– что находятся в оном корпусе исключительно люксы, а уж если и не люксы, то самые кле-вые номера на одного человека. В разгар обсуждения этой животрепещущей темы в вестибюль вошла льдышка из третьего купе и целеустремленно направилась к лифту. Поймав на себе ее взгляд, Алексей Алексеевич сделал большие глаза и со всеми возможными почтительностью и пиететом оглядел окружающую роскошь. Девушка нахмурилась, хотела что-то сказать, но дверцы лифта открылись перед нею, она отвернулась, шагнула внутрь и уехала. Настроение у Алексея Алексеевича тут же несколько и улучшилось, отчего самому ему сделалось смешно.

Пятнадцатикопеечные монеты – вещь на юге безумно дефицитную – Алексей Алексеевич предусмотрительно привез с собой во вполне достаточном количестве, можно было не экономить. Новость, которую он услышал, того стоила. “Сашка-охламон”, оставшийся вместо него исполнять обязанности завлаба, просто захлебывался от возбуждения и желания как можно скорее сообщить “Ал-Алу” все успевшие накопиться новости.

От О’Нила, оказывается, пришло письмо, содержащее сразу два потрясающих известия. Во-первых, Алексей Алексеевич вскоре должен был получить приглашение принять участие в конгрессе, “имеющем себя быть” в апреле будущего года в Сиэтле. Во-вторых, О’Нил прислал “дорогому другу” Алексею Алексеевичу тезисы своего доклада, по которому хотел бы знать “дорогого друга” Алексея Алексеевича мнение.

– Это часть нашей пятнадцатой, вся шестнадцатая и боком залезает на семнадцатую серии, – орал Сашка в трубку. – Он сегодня звонил, спрашивал тебя. Так я ему сказал, что у нас есть во многом схожие результаты, вот только основной массив данных лежит в верхней части спектра, да и истолковываем мы их несколько иначе. Старик заволновался, предлагает обменяться полными результатами серий и попробовать подготовить общий доклад. Или, во всяком случае, как-то состыковаться. А насчет денег на заграникомандировку, Ал-Ал, не сомневайся, я ходил к “столпу”, он обещал выделить, – “столпом науки”, или сокращенно “столпом” сотрудники института окрестили зама по научной работе.

Трубка вибрировала и тряслась, голос Сашкин, казалось, слышно было даже за пределами корпуса. Смысл всех его воплей сводился к тому, что и заболел, и уехал “на юга” шеф уж очень не вовремя и, вообще, некстати, ну а что теперь делать и как быть он, Сашка, представления не имеет.

Алексей Алексеевич с трудом вклинился в Сашкин монолог и велел, с тезисов О’Нила копию сняв, с проводником ближайшего поезда оную копию ему, Алексею Алексеевичу в Севастополь переправить.

– Звонить тебе буду домой завтра поздно вечером. Не забудь только номер вагона и имя проводника записать, а то знаю я тебя. Ты будешь каяться и извиняться и бить себя в грудь кулаком, а я вдоль состава бегать, проводников ловить и опрашивать: не оставил ли кому длинный лохматый очкарик бумаги для передачи...

Вести были неоднозначные, как к ним относиться, вот так сразу Алексей Алексеевич решить не мог. О’Нил наступал на пятки в области, где Алексей Алексеевич привык считать себя и сильнее, и дальше продвинутым. Но, с другой стороны, совместный доклад был вещью лестной и вполне в духе времени, а если бы удалось договориться и скоординировать усилия, они с О’Нилом рванулись бы вперед с такой скоростью, что прочим конкурентам в их непростой проблеме делать стало бы и вовсе нечего.

Алексей Алексеевич машинально глянул на часы и обмер. Еще полчаса назад ему полагалось быть у врача. Он и побежал. Нет, что ни говори, а санаторный отдых грозил обернуться делом хлопотным и суетливым.

Кабинет врача отыскался как-то сам собою. Против ожидания, вместо длинной очереди мающихся людей перед дверью кабинета сидела лишь одна оживленно беседующая пара – гаремная дама-конфидентка и очень импозантный мужчина с красивыми седыми висками.

Алексей Алексеевич пристроился рядом. Дама сухо кивнула ему, чему Алексей Алексеевич, в ситуации сходу не разобравшись, невнимательно удивился.

– Так я подожду Вас там, внизу, – говорил мужчина, глядя на даму маслено. В это время дверь кабинета открылась, выпуская... – тесен мир санаторный! – льдышку из третьего купе. Конфидентка скользнула внутрь, и Алексей Алексеевич остался один, поскольку и девушка, и мужчина с красивой сединой покинули коридор с редкостной стремительностью.

Ждать даму пришлось долго. А когда она появилась, то в разговоры с Алексеем Алексеевичем вступать не стала. Ну, что ж, – подумал Алексей Алексеевич с самого себя рассмешившимся облегчением, – эта проблема, похоже, разрешилась сама собой. Он постучал, сунул голову в приоткрытую дверь, спросил: “Можно?” и услышал в ответ сакраментальное:

– А-а, вот это кто. Это за Вами сегодня спасатели на катере гонялись?..

Закончив обследование, врач некоторое время смотрел на него пристальным немигающим взглядом. Алексей Алексеевич поежился и, прерывая затянувшееся молчание, сказал:

– Ну что, доктор, сейчас Вы мне скажете, чтобы я сидел – себе на песочке и на море только поглядывал, а вот плавать – ни-ни?

– Отчего же, – возразил врач. – Плавайте на здоровье. Не с такой интенсивностью, конечно, но море Вам не противопоказано. Профиль у нашего санатория не Ваш, Вам бы лучше в Кисловодск. Но уж раз приехали, подлечим. Мышцу сердечную не перенапрягайте. И при малейших неприятных ощущениях, уж пожалуйста, сразу ко мне. А назначу я Вам пока вот что...

Назначений было много. И ванны, и массаж, и какие-то токи Бернара, и озокерит, и уколы. Особенно поразил Алексея Алексеевича своей экзотичностью некий “кислородный коктейль”. Показался он ему вещь крайне глупой, никчемной и даже вздорной, но уж раз назначают... врач видней.

– Таблеточки попьете, – говорил, между тем, врач, – я тут Вам в санаторной книжке написал, обратитесь к старшей медсестре, она выдаст. А насчет плавания, вот что. Я всегда мечтал освоить баттерфляй. Кролем-то я плаваю, и даже, вроде бы, неплохо... может, покажете?

Алексей Алексеевич рассмеялся и, увидев, что врач растерянно захлопал глазами, поспешно сказал:

– Никаких проблем. Тут у меня уже целая группа собирается. Отчего же, конечно, научу.

Он поблагодарил врача, попрощался и вышел из прохладного здания наружу. После полумрака кабинета яркий свет буквально ослепил его. Легкий ветер шелестел глянцевой листвой деревьев, и одуряюще пахли цветы. Алексей Алексеевич взглянул на часы. Время подбиралось к ужину, но жаркое южное солнце стояло еще очень высоко. Первый бестолковый санаторный день никак не желал приближаться к концу.

4

Море было неправдоподобно синее, небо голубое, зелень отливала глянцевым лаком, и солнце шпарило просто умопомрачительно. Как крутой кипятик. А вот что касается отдыха... Был он какой-то рваный, фрагментарный, одновременно суматошный и тягучий, и не было в нем привычной упорядоченности. Системы в нем не было, вот в чем дело.

Часами валяться на песке казалось Алексею Алексеевичу делом в высшей степени ничемным и даже глупым, бесцельное барахтанье в воде тоже, в общем-то, особого удовольствия не доставляло, а волейболистом он, по здешним меркам, оказался вовсе уж никудышным, что мгновенно и выяснилось, как только он вышел на площадку.

Санаторный быт налаживаться никак не желал. Бородатый Юра оказался существом невероятно общительным и успел бы надоесть Алексею Алексеевичу горше горькой редьки, если бы не еще одна его отличительная особенность – умение исчезать с глаз долой совершенно внезапно и с умопомрачительной скоростью. Он постоянно мурлыкал переделки популярных песенок, иногда смешные и остроумные, иногда не очень, но всегда невероятно прилипчивые.

Спать Алексей Алексеевич в первую же ночь перебрался в лоджию. Юра во сне время от времени основательно всхрапывал, сон у Алексея Алексеевича был, мягко говоря, чуткий, погода стояла прекрасная, так что решение это напрашивалось само собой.

Обустроившись даже и на временное житье Алексей Алексеевич любил основательно, недаром друзья-аквалангисты во время всех экспедиций неизменно назначали его казначеем отряда и, вообще, старшиной. Прежде всего, следовало обеспечить себя электричеством. Алексей Алексеевич привык на сон грядущий прочитать страницу-другую, а свет в их с Юрой лоджии не горел, хотя лампочка оказалась исправной. Да и розетки в комнате тоже барахлили, так что даже утреннее бритье превращалось в проблему, а все привезенные им с собою принадлежности для варки кофе валялись в сумке не распакованными. Убиравшаяся в комнате нянечка посоветовала Алексею Алексеевичу вызвать электрика, для чего нужно было оформить вызов записью в журнале у старшей медсестры. Давая этот совет, нянечка глаза свои прятала и, как выяснилось, недаром. За целый день электрик в их комнате так и не появился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.